

ДИСКУССИЯ | DISCUSSION

Международная защита прав человека в России после выхода из Совета Европы: возможности и пределы альтернативных механизмов

А. А. Лунёв¹, Н. А. Лепёхин²

- 1 Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
a.a.lunyov@usla.ru
ORCID: 0000-0001-8714-5146
- 2 Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
n.a.lepyokhin@usla.ru
ORCID: 0009-0000-5928-1968

Аннотация

Часть 3 статьи 46 Конституции России гарантирует каждому право на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека, если исчерпаны все доступные внутригосударственные средства правовой защиты — право, которое на протяжении более двух десятилетий ассоциировалось главным образом с возможностью обращения россиян в Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ). После прекращения участия России в Совете Европы реализация этой конституционной гарантии будто бы «повисла в воздухе»: с одной стороны, граждане лишены доступа к полноценному международному суду, а с другой — сохраняется возможность обращения в иные международные, но квазисудебные органы, такие как правозащитные органы ООН и, потенциально, Комиссия по правам человека СНГ. Хотя эти механизмы не представляют собой равноценной альтернативы Европейскому Суду — ни по юридической природе, ни по уровню институциональной проработанности, ни по эффективности исполнения решений, — участие России в них остается принципиально важным для обеспечения защиты фундаментальных прав ее граждан. В настоящем исследовании авторы анализируют, почему механизмы ООН и СНГ не могут стать полноценной «заменой» ЕСПЧ помимо уже перечисленных обстоятельств, а также обозначают возможные пути укрепления сотрудничества с международными органами и повышения результативности взаимодействия с ними. Особое внимание в работе уделено нерешенным вопросам,

связанным с наследием ЕСПЧ, которые сохраняют актуальность для отечественной правовой науки, несмотря на выход страны из юрисдикции Европейского Суда более четырех лет назад. Авторы приходят к выводу, что международные механизмы защиты прав человека доказали свою важность и эффективность для российской правовой системы, выступая ключевым внешним элементом гарантирования конституционных прав. В этих условиях развитие и укрепление оставшихся альтернативных международных процедур представляется не только желательным, но и необходимым для полноценной реализации конституционной гарантии доступа к международным средствам правовой защиты.

Ключевые слова: международная защита прав человека, Европейский Суд по правам человека, договорные органы ООН по правам человека, право на обращение в межгосударственные органы, Комитет ООН по правам человека

Для цитирования: Лунёв А. А., Лепёхин Н. А. Международная защита прав человека в России после выхода из Совета Европы: возможности и пределы альтернативных механизмов. *Журнал ВШЭ по международному праву / HSE University Journal of International Law*. 2026. Том 4. № 1. С. 62–85.

¹ **Андрей Алексеевич Лунёв** — кандидат юридических наук, доцент.

² **Никита Андреевич Лепёхин** — аспирант кафедры международного права, юрисконсульт Юридического управления.

International human rights protection in Russia after leaving the Council of Europe: opportunities and limits of alternative mechanisms

A. A. Lunev,¹ N. A. Lepyokhin²

1 The Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
a.a.lunyov@usla.ru
ORCID: 0000-0001-8714-5146

2 The Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
n.a.lepyokhin@usla.ru
ORCID: 0009-0000-5928-1968

Abstract

Article 46(3) of the Constitution of the Russian Federation guarantees everyone the right to apply to inter-State bodies for the protection of human rights if all domestic remedies have been exhausted. For more than two decades, this right was primarily associated with

the ability of Russian citizens to apply to the European Court of Human Rights (hereinafter — ECHR). After Russia ceased to participate in the Council of Europe, the implementation of this constitutional guarantee has been left «up in the air»: on the one hand, individuals have lost access to a full-fledged international court, and on the other hand, they may still apply to quasi-judicial international bodies, such as the UN human rights bodies and potentially the CIS Human Rights Commission. Although these mechanisms do not constitute an equivalent alternative to the European Court — neither in terms of their legal nature, nor in their level of institutional elaboration, nor in the effectiveness of the implementation of their decisions — Russia's participation remains fundamentally important for ensuring the protection of the fundamental rights of its citizens. In the present study, the authors analyse why the UN and CIS mechanisms cannot become a full “replacement” for the ECHR, beyond previously noted factors, and also indicate possible ways of strengthening cooperation with international bodies and enhancing the effectiveness of interaction with them. This study places special emphasis on the unanswered questions concerning the ECHR's impact, which remain relevant for Russian legal scholarship despite the country's withdrawal from the jurisdiction of the European Court more than four years ago. The authors conclude that international mechanisms for the protection of human rights have demonstrated their value and efficiency within the Russian legal framework, acting as a key external element in guaranteeing constitutional rights. In these conditions, the development and strengthening of the remaining alternative international procedures appear necessary and desirable for the complete fulfillment of the constitutional guarantee of access to international remedies for the protection of rights.

Key words: international human rights protection, European Court of Human Rights, UN treaty bodies, right to apply to inter-State bodies, UN Human Rights Committee

Citation: Lunev A., Lepyokhin N. International human rights protection in Russia after leaving the Council of Europe: opportunities and limits of alternative mechanisms. *HSE University Journal of International Law*. 2026. Vol. 4. No. 1. P. 62–85.

¹**Andrey A. Lunev** — candidate of sciences in law, associate professor at the International Law department.

²**Nikita A. Lepyokhin** — doctoral student at the International Law department; legal counsel at the Legal department.

Введение: право россиян на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека, гарантированное Конституцией

Хотя Конституция России (далее также — Конституция) формально сохраняет принципиальную открытость международному праву (Лихачев, 2025, с. 69), в последнее десятилетие прослеживается тенденция к сворачиванию политики взаимодействия с международными институтами, что проявляется в действиях российских властей (Марочкин, 2023, с. 30). Так, в 2020 году в статьи 79 и 125 Конституции были внесены поправки,

допускающие неисполнение решений межгосударственных органов, в случае если их противоречие Конституции установлено Конституционным Судом Российской Федерации (далее — Конституционный Суд). Вместе с тем иные «международно-ориентированные» положения Конституции, содержащиеся преимущественно в главах 1 и 2, изменений не претерпели. Объясняется это, однако, не столько желанием сохранить имеющуюся редакцию, сколько особым «незыблемым» конституционным статусом положений этих глав¹.

В контексте защиты прав человека особая роль принадлежит не только части 4 статьи 15 Конституции, закрепляющей приоритет международных договоров над национальным законодательством (Исполинов, 2017, с. 74), но и статье 17, открывающей главу 2 о правах и свободах человека и гражданина, а также части 3 статьи 46 Конституции. Так, часть 1 статьи 17 устанавливает, что права и свободы в России признаются в первую очередь согласно с общепризнанными принципами и нормами международного права, отводя конституционным положениям почетное второе место. Эта редакция — не упущение авторов Конституции, а их осознанное решение². Как отмечает А. И. Ковлер, при разработке Конституции «правозащитный» раздел был делегирован либерально-демократической группе участников Конституционного совещания (Ковлер, 1996, с. 23–34), что предопределило ориентацию на новую правозащитную парадигму и отрыв от советской идеологической традиции, признававшей только обретенные (октроированные) права граждан.

Еще один смелый и весьма прогрессивный шаг разработчиков Конституции — закрепление в части 3 статьи 46 права каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Эта гарантия, разработанная по аналогии со статьями 13 («Право на эффективное средство правовой защиты») и 35 («Условия приемлемости») Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ, Конвенция) (Ковлер, 2019, с. 12), отражала стремление России интегрироваться в европейское правовое пространство и подтвердить готовность признать юрисдикцию международных органов, прежде всего Европейского Суда по правам

¹ Статья 135 Конституции РФ устанавливает, что положения глав 1, 2 и 9 не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Для их изменения требуется поддержка 3/5 голосов парламентариев, после чего созывается Конституционное Собрание. Оно может либо подтвердить неизменность Конституции, либо разработать новый проект, который принимается 2/3 голосов Собрания или выносится на всенародное голосование.

² См. подробнее о дискуссии разработчиков ст. 17 российской Конституции: (Лихачев, 2020, с. 38–40).

человека (далее — ЕСПЧ, Европейский Суд)³. Хотя впервые страна подала заявку на вступление в Совет Европы в 1992 году, вопрос о ее вхождении в «общеевропейский дом» обсуждался еще в поздний советский период⁴. Данная гарантия выглядела особенно новаторской в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда индивидуальные обращения в европейские органы только набирали популярность и не стали общепринятой практикой. Несмотря на отсутствие абсолютной уверенности в скором вступлении России в организацию (Энтин, 1996, с. 100), разработчики сочли необходимым закрепить это право на конституционном уровне⁵. Их подход нашел отражение не только в российской Конституции, но и в основных законах других государств — бывших республик СССР, которые также намеревались признать юрисдикцию Европейского Суда⁶.

После вступления России в Совет Европы часть 3 статьи 46 Конституции связывали прежде всего с возможностью обращения граждан в ЕСПЧ. Однако Россия продолжала сотрудничество и с другим международным правозащитным механизмом — Комитетом ООН по правам человека (далее — Комитет, КПЧ ООН), юрисдикцию которого по рассмотрению индивидуальных жалоб Советский Союз признал еще в 1991 году⁷. Тем самым европейская система защиты прав человека была для россиян не единственной и даже не первой. При этом Комитет, как и другие договорные органы ООН по правам человека, не является международным судом *stricto sensu*, что, на первый взгляд, может поставить под сомнение эффективность гарантии судебной защиты по статье 46 Конституции. Хотя

³ По замечанию Т. Г. Морщаковой, глава 2 Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина была основана на положениях ЕКПЧ. Это позволило России присоединиться к Совету Европы, так как ее Конституция уже содержала внушительный перечень прав и свобод, отвечающий международным стандартам (Морщакова, 2016, с. 182).

⁴ История участия Российской Федерации в Совете Европы. Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Совете Европы: <https://coe.mid.ru/istoria-ucastia-rossii-v-sovete-evropy>.

⁵ Примечательно, что в отношении части 3 статьи 46 Венецианская комиссия отметила: «[х]отя это положение является новаторским и прогрессивным по духу, было бы разумнее не включать его в текст Конституции», поскольку «этот деликатный вопрос регулируется непосредственно самими международными договорами» (Заключение Венецианской комиссии..., 2018, с. 33).

⁶ См., например, ч. 2 ст. 61 Конституции Республики Армения 1995 года («каждый в соответствии с международными договорами Республики Армения имеет право на обращение в международные органы по защите прав и свобод человека с прошением о защите своих прав и свобод»); ч. 3 ст. 55 Конституции Украины 1996 года («каждый имеет право после использования всех национальных средств правовой защиты обращаться за защитой своих прав и свобод в соответствующие международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом или участником которых является Украина»).

⁷ Постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2305-1 «О признании компетенции Комитета по правам человека в соответствии со статьей 41 Международного пакта о гражданских и политических правах». Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 29. ст. 843.

решения договорных органов формально носят рекомендательный характер и не обладают обязательной юридической силой, это не означает, что их игнорирование не противоречило бы добровольно принятым государством международным обязательствам (Автономов, 2013, с. 93). Более того, в 2012 году Конституционный Суд признал: соображения КПЧ ООН о нарушении прав человека могут служить основанием для пересмотра дела российскими судами по новым обстоятельствам⁸.

На протяжении почти тридцати лет деятельность правозащитных органов системы ООН оставалась в тени Европейского Суда: их акты значительно реже анализировались отечественной доктриной и применялись судами на практике. Но после выхода России из Совета Европы в 2022 году именно эти механизмы приобрели особое значение в качестве единственной альтернативной системы международной защиты прав. Одновременно актуализировалась и идея создания нового, а точнее — возрождения забытого старого регионального механизма в рамках Содружества Независимых Государств — Комиссии по правам человека СНГ (далее — Комиссия СНГ). В этих условиях исследование конституционной гарантии, закрепленной частью 3 статьи 46, приобретает особую актуальность и требует переосмысления ее содержания и практического значения в новых политико-правовых реалиях.

1. Европейский Суд и Россия: разошлись, но не простились

Закрепленная в ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» позиция России заключается в том, что ЕКПЧ прекратила свое действие в отношении России 16 марта 2022 года. Однако позиция Европейского Суда состоит в том, что участие России в ЕКПЧ завершилось 16 сентября 2022 года⁹.

⁸ В частности, в Определении от 28 июня 2012 г. № 1248-О, связанном с исполнением соображений Комитета ООН по правам человека, Конституционный Суд прямо связал право, гарантированное частью 3 статьи 46 Конституции РФ, с обязанностью государства адекватно реагировать на решения международных правозащитных органов. Суд указал, что Российская Федерация «не вправе уклоняться от адекватного реагирования» на такие решения. Иное не только поставило бы под сомнение соблюдение Россией принятых на себя международных обязательств, «но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться ... в [международный орган], если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». См. подробнее: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко А. А. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁹ Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights, 22 March 2022.

Предположительные нарушения прав и свобод, защищаемых Конвенцией, совершенные после этой даты, уже не подлежат рассмотрению ЕСПЧ. Вместе с тем в Суде продолжается рассмотрение жалоб, связанных с событиями, произошедшими до этой даты: по состоянию на конец 2025 года около семи тысяч таких обращений против России все еще ожидают своего рассмотрения¹⁰. По оценке А. С. Исполинова, «Суд с его сегодняшней скоростью закончит рассматривать российские жалобы только к концу 2020-х годов»¹¹, при этом сама Российская Федерация не принимает и, по всей видимости, не будет принимать участия в рассмотрении этих дел.

Выход России из Совета Европы и последующая денонсация Конвенции ознаменовали беспрецедентный поворот во взаимодействии российского и европейского правовых порядков. Однако этот институциональный разрыв не привел к немедленному исчезновению сформировавшейся за десятилетия системы защиты прав человека. Напротив, начался сложный переходный период, для которого характерна устойчивая коллизия между сохраняющейся юрисдикцией Европейского Суда по так называемым «старым делам» и новой правоприменительной практикой в России. Анализ складывающейся ситуации позволяет выделить два ключевых вектора развития: во-первых, эволюцию подходов ЕСПЧ к определению пределов своей компетенции в отношении дел против России и, во-вторых, трансформацию практики российских судов.

Как уже отмечалось, ЕСПЧ продолжает рассматривать жалобы, поданные против России до 16 сентября 2022 года, в обычном порядке. Большая Палата в постановлении по делу *Fedotova and Others v. Russia* подтвердила, что Суд сохраняет юрисдикцию в отношении предполагаемых нарушений, имевших место до указанной даты¹². В то же время ЕСПЧ прямо указал, что жалобы на действия или бездействие, имевшие место после этой даты, не подпадают под его юрисдикцию и подлежат отклонению в соответствии со статьей 35 Конвенции. Так, в деле Казусева¹³, оспаривавшего указ о «частичной мобилизации» от 21 сентября 2022 года, жалобу отклонили, поскольку оспариваемый акт был принят уже после прекращения участия России в Конвенции.

¹⁰ Annual Report 2025 of the European Court of Human Rights. Council of Europe: <https://www.echr.coe.int/annual-reports>.

¹¹ Исполинов, А. С. (2022, 17 июня). Логика военного времени: федеральный закон о неисполнении решений ЕСПЧ. *Zakon.ru*.

¹² ECtHR. *Fedotova and Others v. Russia* [GC], Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14, judgment of 17 January 2023.

¹³ ECtHR. *Pivkina and Others v. Russia*, Application № 59532/00, judgment of 6 June 2023. § 14.

В отношении жалоб на нарушения, имевшие место до выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ, но по которым судебные разбирательства на национальном уровне продолжались или были завершены после 16 сентября 2022 года, Европейский Суд опирается на устоявшуюся практику применения *ratione temporis*. В ее основе лежит принцип, согласно которому юрисдикция Суда определяется моментом предполагаемого нарушения, а не датой окончания внутреннего судебного процесса¹⁴, что было отражено в решении по делу *Pivkina and Others v. Russia*. Однако из этого правила существует важное исключение, касающееся жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции). Поскольку в таких случаях предметом жалобы является сам судебный процесс, для целей *ratione temporis* ключевое значение имеет дата вынесения итогового решения национальным судом, что было подтверждено, в частности, в решении по делу *Klimentyev v. Russia*¹⁵.

Такой подход исключает для государства-ответчика возможность избежать ответственности за ранее допущенные нарушения путем затягивания внутренних процедур или односторонней денонсации Конвенции. Кроме того, ЕСПЧ напомнил о своей ключевой роли в системе защиты прав, сославшись на то, что «способность Суда определять свою собственную юрисдикцию имеет основополагающее значение для системы защиты, предусмотренной Конвенцией»¹⁶. Суд подчеркнул: присоединившись к Конвенции, государства-участники приняли на себя обязательство соблюдать не только ее основные, но и процедурные положения, включая статью 32, которая наделяет его исключительными полномочиями по разрешению споров о своей юрисдикции. Таким образом, Суд прямо указал, что его юрисдикция не может быть ограничена односторонними актами государства. В частности, это относится к Федеральному закону от 11 июня 2022 года № 183-ФЗ¹⁷, который стремится ограничить юрисдикцию ЕСПЧ *ex post facto*.

Россия, в свою очередь, закрепила в пункте 1 статьи 7 упомянутого Федерального закона положение о том, что постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению на ее территории. Формально-юридически это означает прекращение исполнения решений Суда с момента уведомления о выходе России из Совета Европы. Однако на практике в российском правовом порядке

¹⁴ ECtHR. *Blečić v. Croatia*, Application no. 2134/23, judgment of 29 July 2024.

¹⁵ ECtHR. *Klimentyev v. Russia*, Application no. 46503/99, judgment of 21 January 2023.

¹⁶ ECtHR *Pivkina and Others v. Russia*, Application № 59532/00, judgment of 6 June 2023. § 45.

¹⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 11.06.2022 № 183-ФЗ.

сохраняется некоторая правовая неопределенность. Она обусловлена тем, что вплоть до 9 декабря 2025 года (то есть более трех лет с момента выхода) действовало Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27 июня 2013 года, которое предписывало судам учитывать правовые позиции ЕСПЧ, содержащиеся в окончательных постановлениях, вынесенных в отношении России¹⁸. Более того, Верховный Суд РФ продолжает обращать внимание на подходы ЕСПЧ в некоторых обобщениях практики и правовых позициях международных договорных органов¹⁹, что свидетельствует о сохраняющемся методологическом влиянии Европейского Суда вопреки установленным законодательным ограничениям²⁰.

Эта позиция отчасти нашла отражение и в судебной практике. Так, в Постановлении № 23-П24 от 18 декабря 2024 года Президиум ВС РФ признал допустимым возобновление уголовного дела по заявлению О.И. Николенко, поскольку Европейский Суд установил нарушение прав Николенко до прекращения действия Конвенции в отношении России²¹. Верховный Суд прямо сослался на постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2022 года, признав его новым обстоятельством, позволяющим пересмотреть дело. Тем самым было подтверждено, что решения ЕСПЧ, вынесенные до 15 марта 2022 года, продолжают иметь юридическое значение. В то же время заявитель по данному делу смог добиться лишь частичного восстановления своих прав, поскольку на текущий момент он лишен возможности получить причитающуюся ему справедливую

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». См. также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», абз. 3 п. 10. Утратили силу на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33.

¹⁹ См. например, Верховный Суд Российской Федерации, Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики (2025). Обобщение практики и правовых позиций отдельных международных договорных и внедоговорных органов ООН по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию [Аналитический обзор], с. 111.

²⁰ Такая правовая двойственность находит отражение и в публичных заявлениях представителей судебной власти. Так, начальник отдела международного права Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ Б. Л. Зимненко в своей лекции 3 декабря 2024 года в РУДН указал, что российские суды открыты для «классического, разумного и обоснованного международного права». Однако на вопрос о том, не противоречит ли отказ от исполнения решений ЕСПЧ, принятых после 15 марта 2022 года, принципу *pacta sunt servanda*, он ответил, что Россия будет исполнять только те постановления, которые приняты до этой даты.

²¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2024 г. № 23-П24 Обстоятельства: О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

компенсацию в размере 1,5 тыс. евро. Это связано с буквальным толкованием пункта 3 статьи 6 Федерального закона № 183-ФЗ, который установил, что Генеральная прокуратура РФ осуществляет выплаты компенсаций по постановлениям ЕСПЧ, вынесенным до 15 марта 2022 года включительно, только до 1 января 2023 года. По всей видимости, законодатель подразумевал, что в рамках установленного переходного периода заявители должны были не только обратиться в Генпрокуратуру, но и успеть получить денежную компенсацию.

При этом в ситуациях, когда постановления ЕСПЧ вынесены после 15 марта 2022 года, заявители повсеместно сталкивались с полным отказом от их исполнения. Показателен, хотя и нетипичен, пример решения Тверского районного суда города Москвы от 21 декабря 2022 года²². В данном решении суд констатирует: Конвенция прекратила свое действие в отношении России 16 сентября 2022 года, что соответствует позиции самого ЕСПЧ и расходится с официальной позицией России, и даже цитирует положение о том, что денонсация не освобождает государство от ответственности за предыдущие нарушения. Казалось бы, формальным основанием для отказа в справедливой компенсации могла бы стать простая ссылка на Федеральный закон № 183-ФЗ в рамках устоявшейся практики²³. Однако вместо этого районный суд, выходя за рамки сугубо юридической аргументации, прямо увязывает вопрос исполнения международных обязательств с «геополитической ситуацией» и «мерами противодействия угрозам», утверждая, что Совет Европы «превратился в структуру агрессивного насаждения неолиберального подхода». Подобная аргументация представляется необычной для судебных актов и демонстрирует тенденцию к включению в правовое обоснование элементов политико-идеологического дискурса. В результате юридический анализ отчасти уступает место более широким оценочным суждениям, что может вызывать вопросы относительно убедительности и правовой строгости подобного обоснования.

Все же судам общей юрисдикции при рассмотрении подобных дел следует руководствоваться действующим законодательством — федеральными законами № 183-ФЗ и № 180-ФЗ, а также учитывать позицию Конституционного Суда, который в ряде определений подтвердил

²² Тверской районный суд г. Москвы Решение по делу № 2а-1450/2022 от 21 декабря 2022 г.

²³ См. например: Воронежский областной суд Решение по делу № 33а-1626/2023 от 21 марта 2023 г.; Верховный Суд Республики Татарстан. Судебная коллегия по административным делам Апелляционное определение № 33а-10326/2023 от 16 июня 2023 г.

конституционность этих законов²⁴. Конституционный Суд указал, что прекращение членства России в Совете Европы 16 марта 2022 года автоматически повлекло прекращение действия Европейской конвенции, а федеральный законодатель обладал дискреционными полномочиями для установления переходных правил и прекращения исполнения постановлений ЕСПЧ, вынесенных после этой даты. Примечательно, что Конституционный Суд избегает прямой оценки соответствия данных норм части 4 статьи 15 и части 3 статьи 46 Конституции, ограничиваясь утверждением о правомочности законодателя. Такой подход позволяет уйти от обсуждения возможной коллизии между международными обязательствами России и национальным законодательством, сведя вопрос к формальным аспектам прекращения действия международного договора.

В то же время позиция Конституционного Суда вызывает вопросы с точки зрения защиты прав заявителей, прежде всего в части правовой неопределенности статуса решений ЕСПЧ, вынесенных в переходный период, и механизмов защиты прав российских граждан на национальном уровне. Нередко представители профессионального юридического сообщества высказывают предположение, что после денонсации Конвенции Конституционный Суд якобы не вправе ссылаться на практику ЕСПЧ, поскольку она больше не является составной частью правовой системы. Однако практика самого Конституционного Суда опровергает этот тезис. Суд неоднократно ссылался не только на акты рекомендательного характера, такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, но и на положения международных договоров, участницей которых Россия никогда не являлась, например, на Американскую конвенцию о правах человека 1969 года (при обосновании тенденции к отмене смертной казни²⁵). Это позволяет сделать вывод, что ничто не препятствует использованию Конституционным Судом правовых позиций ЕСПЧ как источника понимания общепризнанных принципов и норм международного права, особенно когда они содержат высокие правозащитные стандарты.

²⁴ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 3565-О; от 25 апреля 2023 г. № 1018-О; от 31 октября 2023 г. № 2748-О; от 30 ноября 2023 г. № 3245-О; от 25 июня 2024 г. № 1731-О.

²⁵ Пункт 4.1 Определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»».

2. «Время и бремя» для альтернативных механизмов

Выход России из-под юрисдикции Европейского Суда не лишил российских граждан доступа к международным механизмам защиты прав. Государство продолжает участвовать в работе семи договорных органов ООН по правам человека, признавая компетенцию четырех из них рассматривать индивидуальные сообщения²⁶. Кроме того, Россия также участвует в работе Совета ООН по правам человека в статусе наблюдателя²⁷ и его специальных процедурах, в частности в Рабочей группе по произвольным задержаниям, мнения которой могут служить основанием для пересмотра судебных дел по новым обстоятельствам²⁸. Параллельно российская сторона инициирует развитие Комиссии по правам человека СНГ, которая в перспективе будет полномочна рассматривать обращения физических лиц²⁹. Хотя все эти органы являются не судебными, а квазисудебными, как уже отмечалось, по логике Конституционного Суда, это не препятствует гражданам реализовывать свою конституционную гарантию, закрепленную в части 3 статьи 46 Конституции. Вместе с тем очевидно, что именно такой формат отвечает интересам современных российских властей: обращения в эти органы подаются реже, чем в Европейский Суд, а их акты носят в основном рекомендательный, а не обязательный характер, — в отличие от постановлений ЕСПЧ, что создает возможности для выборочного и более гибкого их исполнения.

²⁶ Это Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитет против пыток.

²⁷ См., например, информацию о 61-й сессии Совета ООН по правам человека на сайте МИД: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/2082082.

²⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Д.В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁹ В редакции Положения о Комиссии по правам человека СНГ 2022 года ее компетенция *ratione personae* ограничена физическими лицами и государствами, однако процедура рассмотрения индивидуальных и межгосударственных обращений до настоящего времени не утверждена и находится в разработке специальной рабочей группы. На заседании Комиссии 5 декабря 2025 года обсуждался проект Положения об условиях приемлемости и порядке рассмотрения обращений, предусматривающий возможность рассмотрения жалоб физических лиц и государств — участников Конвенции СНГ о правах человека. Согласно пункту 14 проекта Положения, Комиссия не рассматривает обращения физических лиц, если 1) обращение является анонимным; 2) касается права, не предусмотренного Конвенцией; 3) подано в отношении государства СНГ, не подписавшего Конвенцию либо не выполнившего внутригосударственные процедуры, предусмотренные пунктом 15 Положения о Комиссии (регулирующим порядок обращения государств-участников); 4) подано без исчерпания национальных средств защиты; 5) подано по истечении пяти лет с момента предполагаемого нарушения; 6) либо если соответствующий вопрос рассматривается или ранее рассматривался в рамках иной процедуры международного разбирательства или урегулирования. См. подробнее: <https://e-cis.info/cooperation/4108/>.

В то же время эти механизмы нельзя считать полноценной альтернативой Европейскому Суду. Дело даже не в формально рекомендательном статусе их актов (что в некоторых случаях может быть, наоборот, их преимуществом), а в том, что защита прав через эти органы оказывается значительно сложнее и порой занимает гораздо больше времени. Так, договорные органы ООН по правам человека изначально создавались для мониторинга соблюдения государствами договоров в области прав человека путем рассмотрения докладов (*state reports*), а не для разрешения споров между индивидом и государством. Они работают на сессионной основе и в составе от 10 до 23 членов в зависимости от комитета. В частности, в КПЧ ООН входит 18 экспертов, на которых среди прочего возлагается задача рассмотрения и обсуждения докладов 173 государств — участников Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (далее — Пакт, МПГПП), подготовка заключительных замечаний (обратной связи) по ним, а также изучение индивидуальных сообщений и вынесение соображений по жалобам против 116 государств, признавших соответствующую компетенцию Комитета. Даже с учетом того, что не все государства представляют доклады своевременно, а поток жалоб из некоторых государств невелик, текущая нагрузка неизбежно приводит к тому, что рассмотрение дел растягивается на годы. К тому же ситуация усложняется беспрецедентным экономическим кризисом, с которым столкнулась ООН³⁰, из-за чего эксперты договорных органов вынуждены отменять свои плановые встречи и оптимизировать работу³¹.

В связи с этим неудивительна колоссальная разница в количестве обращений против России в ЕСПЧ и КПЧ ООН. В 2022 году, который стал последним годом участия России в Совете Европы, в Европейский Суд против России было подано свыше шести тысяч жалоб³², и к концу 2025

³⁰ ООН испытает серьезный финансовый кризис, который вынуждает организацию оптимизировать свою деятельность и сокращать штат. Как сообщает пресс-служба организации, одной из основных причин сложившейся ситуации стала крупная задолженность по взносам со стороны многих государств-членов. В ответ на эти вызовы Генеральный секретарь инициировал программу реформ «ООН-80», цели которой — повышение эффективности, рационализация операций и сокращение расходов, в том числе возможное сокращение штата на 20% за счет устранения дублирования функций: <https://press.un.org/en/2025/gaab4498.doc.htm>.

³¹ Так, из-за «кризиса ликвидности ООН» Комитет по правам человека отменил свою 145-ю сессию, которая должна была пройти с 17 октября по 7 ноября 2025 года, и перенес ее на 2–19 марта 2026 года. Кроме того, на сайте договорных органов появились предупреждения, что в связи с нехваткой средств актуальная информация публикуется только на английском языке, так как обновление версий на других языках затруднено.

³² Annual Report 2022 of the European Court of Human Rights. Council of Europe: <https://www.echr.coe.int/annual-reports>.

года около семи тысяч все еще ожидали рассмотрения³³. Для сравнения, в Комитете в 2022 году было зарегистрировано лишь 41 сообщение, в 2023 — 54, в 2024 — 40, а по состоянию на конец 2025 года — 68³⁴. Всего на рассмотрении Комитета находится 250 сообщений, связанных с Россией³⁵. И хотя поток жалоб за последние годы в КПЧ ООН постепенно растет³⁶ — отчасти из-за переориентации с европейской системы на универсальную, а также в связи с усложнением внешней и внутренней политической обстановки, — Комитет не в состоянии принять на себя тот объем работы, который ранее выполнял и продолжает выполнять Европейский Суд.

Кроме того, дополнительную озабоченность вызывает скептическое отношение Министерства иностранных дел России к позициям договорных органов, которое, в отличие от Конституционного Суда, рассматривает акты комитетов исключительно как рекомендации. Эволюция позиции министерства хорошо прослеживается в реакции на заключительные замечания КПЧ ООН: если в 2003 году по итогам рассмотрения пятого периодического доклада МИД отметил как положительные, так и критические замечания Комитета и указал на необходимость их изучения профильными министерствами для принятия возможных мер³⁷, то в 2022 году, после рассмотрения восьмого доклада, тон резко изменился. Министерство заявило о политизированности и ангажированности экспертов, а также об «однобоком, резком и обвинительном характере» их заключительных замечаний, которые навязывают «неолиберальную расширительную интерпретацию норм Пакта и игнорируют культурные традиции и особенности исторического развития страны»³⁸. При таком раскладе возникает обоснованная тревога, не повторит ли Россия сценарий Беларуси, которая в итоге вышла из процедуры индивидуальных

³³ Statistical reports of the European Court of Human Rights. Council of Europe (2025). <https://www.echr.coe.int/statistical-reports>.

³⁴ UN Human Rights Committee: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/ccpr/individual-complaints>.

³⁵ UN Human Rights Committee. Pending cases by year of registration (up to February 2026): <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/ccpr/individual-complaints>.

³⁶ Для сравнения: в 2021 году против России было подано 28 сообщений, в 2020 — 6, в 2019 — 15, в 2018 — 15, в 2017 — 27. См. подробнее: Table of registered and adopted cases Table of registered and adopted cases 2017-2020 (updated on 31 July 2025): <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/ccpr/individual-complaints>.

³⁷ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальное сообщение (раздел «ООН»). https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1661544/.

³⁸ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальное сообщение (раздел «Внешняя политика»): https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1836821/; см. также Министерство иностранных дел Российской Федерации. Реакция на заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, принятым в конце сентября 2025 года: <https://www.mid.ru/ru/maps/ch/2050745/>.

сообщений в 2023 году, лишив своих граждан возможности обращаться в соответствующий Комитет ООН³⁹.

Что касается Комиссии по правам человека СНГ, механизм рассмотрения индивидуальных жалоб которой до настоящего времени не запущен, ее потенциал в сфере международной защиты прав человека заслуживает, к сожалению, сдержанного и во многом пессимистичного прогноза. Формально Комиссия, подобно договорным органам, работает на сессионной основе и контролирует соблюдение прав человека государствами. Однако анализ состава, структуры и компетенции показывает, что ее возможности как правозащитного механизма крайне ограничены. Такая оценка обусловлена, по меньшей мере, двумя ключевыми факторами: узостью мандата, не наделяющего Комиссию полномочиями, сопоставимыми с ЕСПЧ или другими международными судами и органами, и сильной зависимостью от политической воли государств-участников. Это существенно снижает уровень ее институциональной автономии и превращает скорее в инструмент межгосударственного диалога, а не эффективного внешнего контроля. Тем не менее окончательно списывать механизм СНГ со счетов преждевременно. Потенциал Комиссии может быть усилен при условии расширения ее компетенции, повышения независимости членов и обеспечения прозрачности процедур. Кроме того, запуск ее полномочий по рассмотрению индивидуальных сообщений мог бы создать, пусть ограниченный, но все же еще один альтернативный региональный механизм защиты прав человека, частично компенсирующий утрату европейского механизма (Лунёв, 2025, с. 116–138).

В отечественной научной литературе также высказываются различные точки зрения относительно потенциала межгосударственного сотрудничества в сфере защиты прав человека в рамках иных международных организаций, участником которых является Россия. В частности, речь идет о Шанхайской организации сотрудничества (Марочкин, 2023, с. 32–55, 49–50), (Лихачев, Халафян, 2024, с. 22–35) и Евразийском экономическом союзе (Стародубцев, Макарова, 2024, с. 15–22). Однако, несмотря на то что данные объединения в настоящее время представляются институционально более устойчивыми по сравнению с СНГ, исследования их правозащитного потенциала носят преимущественно теоретический характер. На практике в рамках

³⁹ См. подробнее: Выход Беларуси из процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб является серьезным препятствием для защиты прав человека, заявил Комитет ООН по правам человека. Сайт Комитета по правам человека ООН: <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2022/11/belarus-withdrawal-individual-complaints-procedure-serious-setback-human>.

указанных организаций не предпринимается сколько-нибудь последовательных шагов по развитию правозащитного диалога или созданию механизмов контроля за соблюдением государствами прав человека (Лунёв, 2025, с. 118–123).

3. Что можно сделать?

Сегодня в отечественном правовом дискурсе не следует строить иллюзий относительно возможного возвращения России в Совет Европы и, соответственно, к юрисдикции Европейского Суда по правам человека. При нынешнем состоянии политических отношений, а также с учетом закрепившихся правовых последствий выхода страны из этой организации, подобный сценарий в среднесрочной перспективе представляется крайне маловероятным. Именно поэтому особую значимость приобретает сохранение и развитие сотрудничества России с универсальной системой защиты прав человека, прежде всего с договорными органами ООН. Эта система остается наиболее перспективной, институционально устойчивой и международно признанной площадкой, способной обеспечить хотя бы минимально необходимый уровень международного контроля за соблюдением прав человека. Наряду с этим представляется целесообразным продолжить укрепление Комиссии по правам человека СНГ — единственного действующего регионального механизма.

Ниже представлен перечень возможных рекомендаций по укреплению сотрудничества. Их реализация в текущих условиях представляется затруднительной, но в перспективе могла бы способствовать повышению эффективности участия России в международных механизмах защиты прав человека. Разумеется, этот перечень не является исчерпывающим и может стать самостоятельным предметом исследования, однако уже сейчас представляется возможным обозначить ряд направлений.

Во-первых, следует обратить внимание на настойчивые рекомендации договорных органов ООН о создании в России специального национального механизма для мониторинга исполнения их рекомендаций и решений⁴⁰. Подобная структура — будь то межведомственный координационный орган или независимая институция — необходима для систематизации взаимодействия с комитетами, подготовки своевременных докладов, анализа практики и обеспечения реального исполнения принятых международных обязательств. Отсутствие такого механизма

⁴⁰ См., например UN Human Rights Committee (2022, 1 December). *Concluding observations on the eighth periodic report of the Russian Federation* CCPR/C/RUS/CO/8. https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=CCPR/C/RUS/CO/8.

снижает эффективность сотрудничества, создавая разрыв между рекомендациями комитетов и их практической имплементацией.

Во-вторых, представляется целесообразным получение разъяснений Верховного Суда относительно применения универсальных договоров ООН по правам человека отечественными судами. Недавняя инициатива по внесению изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2003 года⁴¹ едва ли может считаться достаточной: изменения *de facto* свелись к замене некоторых ссылок на ЕКПЧ на положения Международного пакта о гражданских и политических правах. Между тем подобный подход вряд ли можно признать методологически оправданным. Эти международные договоры не являются «взаимозаменяемыми»: они различаются по перечню закрепленных прав, по особенностям их толкования международными органами, а также по механизму их применения в национальном правовом порядке. В этой связи представляется необходимым уделить особое внимание специфике Пакта, включая замечания общего порядка и соображения Комитета ООН по правам человека как авторитетных источников его интерпретации.

Соответственно, целесообразным могло бы стать принятие самостоятельного разъясняющего акта по аналогии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2013 года о применении российскими судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴², которое, несмотря на последующую утрату силы, на протяжении длительного времени служило важным ориентиром для российских судов. Учитывая, что Верховный Суд регулярно публикует обзоры практики договорных органов и специальных процедур Совета по правам человека ООН, он располагает необходимой экспертной базой для систематизации соответствующих подходов и обеспечения единообразия правоприменения.

В-третьих, учитывая, что высшие суды России — Верховный и Конституционный — признали соображения и мнения комитетов

⁴¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 9 декабря 2025 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

⁴² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Утратил силу на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней"».

основанием для пересмотра дел по новым обстоятельствам⁴³, логичным шагом является внесение соответствующих поправок в отечественные процессуальные кодексы. Такой механизм действовал в отношении постановлений ЕСПЧ до 2022 года⁴⁴, и его распространение на договорные органы ООН позволило бы устранить правовую неопределенность и облегчить нижестоящим судам ориентирование в международной практике. На текущий же момент не существует законной процедуры пересмотра национального решения или выплаты справедливой компенсации на основании решения комитетов о нарушении правозащитных обязательств.

Следующим перспективным шагом могло бы стать расширение участия России в универсальной системе защиты прав человека. Если акцент внешней правозащитной политики смещен с Совета Европы на ООН, логичным представляется вопрос о ратификации Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток. Его принятие открыло бы возможность Подкомитету ООН по предупреждению пыток осуществлять мониторинг мест лишения свободы, фактически заменив Европейский комитет по предупреждению пыток, выполнявший аналогичные функции до денонсации соответствующей конвенции⁴⁵. Для России этот шаг имел бы особое значение, учитывая длительную системную проблему в сфере запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: на протяжении более двадцати лет страна являлась абсолютным лидером по числу нарушений статьи 3 ЕКПЧ, а Европейский Суд фиксировал не единичные нарушения, а структурный характер проблемы (Кантур, 2018, с. 63). В такой ситуации отказ от европейского мониторинга без присоединения к другому эффективному международному механизму означает не просто снижение уровня внешнего контроля, но и реальный риск дальнейшего ухудшения стандартов обращения с задержанными и заключенными. Следовательно, ратификация Факультативного протокола была бы важна по двум причинам: во-первых, она восстановит

⁴³ Помимо упомянутых определений КС РФ по делам Хорошенко и Матвеева см. также позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно учета решений договорных органов ООН: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2017 г. № 46-КГ17-24 (по делу Медведевой, в связи с мнением Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин) и Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2022 г. № 5-КГ22-67-К2 (по делу Кирсанова, в связи с соображениями Комитета ООН против пыток).

⁴⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ установил, что факт вынесения Европейским Судом по правам человека постановления больше не является основанием к пересмотру дела.

⁴⁵ Федеральный закон от 29 сентября 2025 г. № 358-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и протоколов к ней».

полноценный международный превентивный мониторинг мест лишения свободы и, во-вторых, придаст дополнительное практическое содержание конституционному запрету пыток, продемонстрировав, что выход из механизмов Совета Европы не равнозначен отказу России от международных обязательств по защите основных прав человека.

Кроме того, для усиления защиты наиболее уязвимых групп населения важным шагом могло бы стать признание компетенции по рассмотрению индивидуальных сообщений Комитета по правам ребенка, Комитета по правам инвалидов, а также (в особенности) Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. В последнем случае была бы подчеркнута приверженность России идее социального государства (статья 7 Конституции), а также преемственность с СССР, активно участвовавшим в разработке Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Неслучайно в Конституцию в 2020 году была включена поправка, подтверждающая статус России как государства-правопреемника и государства-продолжателя СССР (часть 1 статьи 67¹).

В то же время правозащитная система ООН при всех ее достоинствах не исключает и не вытесняет существования региональных механизмов защиты прав человека. Напротив, эти уровни могут эффективно сосуществовать и дополнять друг друга (Лазутин, Безбородов, Лихачев, 2023, с. 189). В данном контексте особую значимость приобретает Конвенция СНГ о правах человека 1995 года, которая, в отличие от универсальных договоров ООН, содержит широкие и детализированные положения прав как первого, так и второго поколения, включая нормы, направленные на защиту уязвимых социальных групп (женщин, детей, лиц с инвалидностью, национальных меньшинств). Несмотря на отсутствие практики ее применения, сам потенциал Конвенции остается весьма высоким. Развитие процедур ее исполнения, включая запуск механизма Комиссии по рассмотрению индивидуальных обращений, могло бы стать важным шагом в укреплении региональной системы защиты прав человека в рамках СНГ (Лепёхин, Первухина, 2024, с. 19).

Заключение

Международные механизмы защиты прав человека на протяжении многих лет играли ключевую роль в развитии российской правовой системы, оказывая прямое и косвенное влияние на национальное законодательство и судебную практику. Участие России в Совете Европы и деятельность ЕСПЧ способствовали постепенной трансформации национального правоприменения: суды и государственные органы все чаще обращались к

правовым позициям ЕСПЧ, а законодательство отчасти адаптировалось к требованиям ЕКПЧ. Значительная часть структурных реформ, в частности в сфере уголовного судопроизводства, свободы выражения мнений, прав заключенных и защиты собственности, была инициирована или ускорена под влиянием ЕСПЧ. В этом контексте утрата его юрисдикции стала не только институциональной, но и методологической потерей, лишив российское правосудие внешнего ориентира, к которому оно привыкло за более чем двадцатилетний период интеграции.

Выход России из европейской системы защиты прав человека привел к пробелам в национальном правовом пространстве, прежде всего в части доступности международных механизмов защиты прав. В новых условиях особую актуальность приобретает развитие альтернативных инструментов, прежде всего в рамках ООН. На сегодня ее договорные органы остаются практически единственным эффективным международным средством правовой защиты, доступным российским гражданам. Однако действенность этих механизмов для России ограничена, поскольку отсутствуют какие-либо национальные законодательные и институциональные гарантии учета выводов договорных органов, а практика отечественных судов до сих пор не выработала устойчивой модели использования их актов. В результате потенциальный компенсаторный потенциал системы ООН остается в значительной мере нереализованным.

Тем не менее отечественная правовая система нуждается в адаптации к требованиям международных органов ООН, формализации процедур рассмотрения их актов на внутригосударственном уровне, а также в развитии судебной практики, способной учитывать универсальные правозащитные стандарты. Как справедливо отмечает Б. Л. Зимненко, учитывать практику договорных органов в сфере внутригосударственных отношений обязывают в том числе положения Венской конвенции о праве международных договоров (Зимненко, 2017, с. 96)⁴⁶, (Зимненко, 2023, с. 61). Только при условии реального укрепления оставшихся международных инструментов возможно сохранить хотя бы минимально сопоставимый уровень международной защиты, который ранее обеспечивался участием России в европейской системе. Таким образом, развитие диалога прежде всего с универсальными механизмами прав человека (и, потенциально, «собственным» региональным механизмом) становится ключевым условием сохранения правового пространства, в

⁴⁶ При этом в отечественной литературе этот подход разделяют не все: так, Б.Р. Тузмухамедов прямо критикует позицию Б.Л. Зимненко, считая ошибочным вывод о соответствующей юридической силе актов договорных органов ООН (Тузмухамедов, 2021, с. 154).

котором международные и конституционные гарантии продолжают функционировать как действенный инструмент защиты прав граждан.

Список литературы / References

1. Автономов, А. С. (2013). Рассмотрение индивидуальных сообщений договорными органами в системе Организации Объединённых Наций. *Международное правосудие*, 3(7), 76–96.
Autonomov, A. S. (2013). Consideration of individual communications by treaty bodies in the system of the United Nations. *International Justice*, 3(7), 76–96.
2. Заключение Венецианской комиссии по Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (2018). *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 6, 13–46.
Opinion of the Venice Commission on the Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12 December 1993 (2018). *Journal of foreign legislation and comparative law*, 6, 13–46.
3. Зимненко, Б. Л. (2017). О месте и значении практики межгосударственных органов по защите прав и свобод человека в правовой системе Российской Федерации (на примере рассмотрения судами Российской Федерации конкретных дел). *Московский журнал международного права*, 3, 92–129.
Zimnenko, B. L. (2017). On the place and significance of the practice of interstate bodies for the protection of human rights and freedoms in the legal system of the Russian Federation (on the example of consideration of specific cases by courts of the Russian Federation). *Moscow Journal of International Law*, 3, 92–129.
4. Зимненко, Б. Л. (2023). О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН. *Правосудие/Justice*, 1(5), 54–90.
Zimnenko, B. L. (2023). On the significance for the courts of the Russian Federation of the practice of international UN treaty bodies. *Pravosudie/Justice*, 1(5), 54–90.
5. Исполинов, А. С. (2017). Вопросы взаимодействия международного и внутреннего права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. *Российский юридический журнал*, 1, 73–93.
Ispolinov, A. S. (2017). Issues of interaction between international and

domestic law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Russian juridical journal*, 1, 73–93.

6. Кантур, Р. (2018). Проблемы соблюдения Россией обязательств по статье 3 Европейской Конвенции по правам человека в отношении задержанных: практика ЕСПЧ. *Международное правосудие*, 2(26), 62–76.
Kantur, R. (2018). Problems of Russia's compliance with its obligations under Article 3 of the European Convention on Human Rights in respect of detained persons: the case-law of the ECtHR. *International justice*, 2(26), 62–76.
7. Ковлер, А. И. (1996). Конституционные основы новой российской государственности. *Становление новой российской государственности* (с. 23–34).
Kovler, A. I. (1996). Constitutional foundations of the new Russian statehood. *Formation of the new Russian statehood* (pp. 23–34).
8. Ковлер, А. И. (2019). Конституция России как сравнительный проект (к истории создания Конституции Российской Федерации). *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 1, 8–14.
Kovler, A. I. (2019). The Russian Constitution as a comparative project (on the history of drafting the Constitution of the Russian Federation). *Journal of foreign legislation and comparative law*, 1, 8–14.
9. Лазутин, Л. А., Безбородов, Ю. С., Лихачев, М. А. (2023). *Международное право: учебник для магистратуры и специалитета. Москва: Норма; ИНФРА-М.*
Lazutin, L. A., Bezborodov, Yu. S., Likhachev, M. A. (2023). *International law: textbook for master's and specialist degree students. Moscow: Norma; INFRA-M.*
10. Лепёхин, Н. А., Первухина, К. К. (2024). Суд по правам человека ЕАЭС: to be, or not to be? Уральский журнал правовых исследований, 3, 16–24.
Lepuyokhin, N. A., Pervukhina, K. K. (2024). The EAEU human rights court: to be, or not to be? *Ural journal of legal studies*, 3, 16–24.
11. Лунёв А.А. (2025). Правозащитный механизм СНГ: критический взгляд на деятельность Комиссии по правам человека. *Международное правосудие*, 3(55), 116–138.
Lunev A.A. (2025). The CIS human rights protection mechanism: a critical view of the activities of the Human Rights Commission. *International justice*, 3(55), 116–138.

12. Лихачев М. А. (2020). Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? *Российский юридический журнал*, 3, 38–40.
Likhachev, M. A. (2020). International and domestic law: is there a first among equals? *Russian juridical journal*, 3, 38–40.
13. Лихачев М. А. (2026). Договорные органы по правам человека ООН: учебник для вузов / отв. редакторы Т. А. Титова, А. А. Лунёв. Юрайт.
Likhachev, M. A. (2025). UN human rights treaty bodies: textbook for universities / T. A. Titova, A. A. Lunev (Eds.). Yurayt.
14. Лихачев, М. А., Халафян, Р. М. (2024). Правозащитный механизм Шанхайской организации сотрудничества: возможные сценарии. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*, 4, 22–35.
Likhachev, M. A., Khalafyan, R. M. (2024). Human rights mechanism of the Shanghai Cooperation Organisation: possible scenarios. *Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal*, 4, 22–35.
15. Марочкин, С. Ю. (2023). Международное право в российских судах: современные реалии. *Российский юридический журнал*, 1, 29–42.
Marochkin, S. Yu. (2023). International law in Russian courts: current realities. *Russian Juridical Journal*, 1, 29–42.
16. Марочкин, С. (2023). Решения международных судов и договорных органов по правам человека в российской судебной практике: новая реальность, первые результаты, возможные перспективы. *Сравнительное конституционное обозрение*, 4 (155), 32–55.
Marochkin, S. (2023). Decisions of international courts and human rights treaty bodies in Russian judicial practice: new reality, first results, possible prospects. *Comparative Constitutional Review*, 4 (155), 32–55.
17. Морщакова, Т. (2016). Конституционная и судебная имплементация Европейской Конвенции по правам человека. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2(111), 182–189.
Morshchakova, T. (2016). Constitutional and judicial implementation of the European Convention on Human Rights. *Comparative constitutional review*, 2(111), 182–189.
18. Стародубцев, Г. С., Макарова, С. С. (2024). Перспективы защиты прав человека в рамках ЕАЭС. *Мониторинг правоприменения*, 4, 15–22.
Starodubtsev, G. S., Makarova, S. S. (2024). Prospects for human rights protection within the EAEU. *Monitoring of Law Enforcement*, 4, 15–22.

19. Тузмухамедов, Б. Р. (2021). Универсальные договорные органы по правам человека и их место среди международных институтов. *Государство и право*, 7, 151–160.
Tuzmukhamedov, B. R. (2021). Universal treaty bodies on human rights and their place among international institutions. *State and Law*, 7, 151–160.
20. Энтин, М. Л. (1996). Политико-правовые последствия вступления России в Совет Европы. *Московский журнал международного права*, 3, 97–111.
Entin, M. L. (1996). Political and legal consequences of Russia's accession to the Council of Europe. *Moscow journal of international law*, 3, 97–111.